НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ АНСАМБЛЯ РОСТОВСКОГО БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ[1]

Памятники Ростовского Борисоглебского монастыря, расположенного в 18 км от Ростова Великого, давно введены в научный оборот[2]. И при этом они остаются весьма слабо изученными. Особенно далек от более или менее окончательного решения вопрос о времени возведения большинства монастырских сооружений. Например, неправильная датировка значительного числа памятников монастыря XVI в. приводила некоторых исследователей не только в прошлом, но и в самое последнее время к ошибочным выводам[3].

Настоящую работу мы посвятили, в основном, уточнению датировок памятников Борисоглебского монастыря, а также некоторым другим важным моментам их последующей истории. Исследование построено на анализе архивных[4] и опубликованных источников с привлечением данных натурного обследования сооружений ансамбля, проведенного автором в 1983—1986 гг.

Собор Бориса и Глеба

Борисоглебский собор является первым каменным зданием монастырского ансамбля. Закладка его состоялась 18 июня 7030 г., освящение — 22 сентября 7032 г.[5]. При сентябрьском летоисчислении это означает 1522—1523 гг., а не 1522—1524 гг., как было принято во всей предшествующей литературе[6]. Последняя дата появилась в результате неправильного пересчета с летоисчисления от сотворения мира на современное.

Уточнение датировки рассматриваемого памятника лишь на один год может показаться не очень существенным. Но здесь необходимо подчеркнуть, что лишь при указанной нами дате освящения храма история каменного строительства 1520-х гг. в Борисоглебском монастыре предстает вполне логичной и непротиворечивой. В самом деле, при старой неверной датировке собора получалось, что, не закончив последний, в монастыре уже приступили к возведению Благовещенской церкви с трапезной (1524—1526 гг.). В действительности же Борисоглебский собор был освящен 22 сентября 1523 г., а строительство трапезной церкви началось на следующий год — 30 июня 1524 г., а освятили ее 7 октября 1526 г.[7].

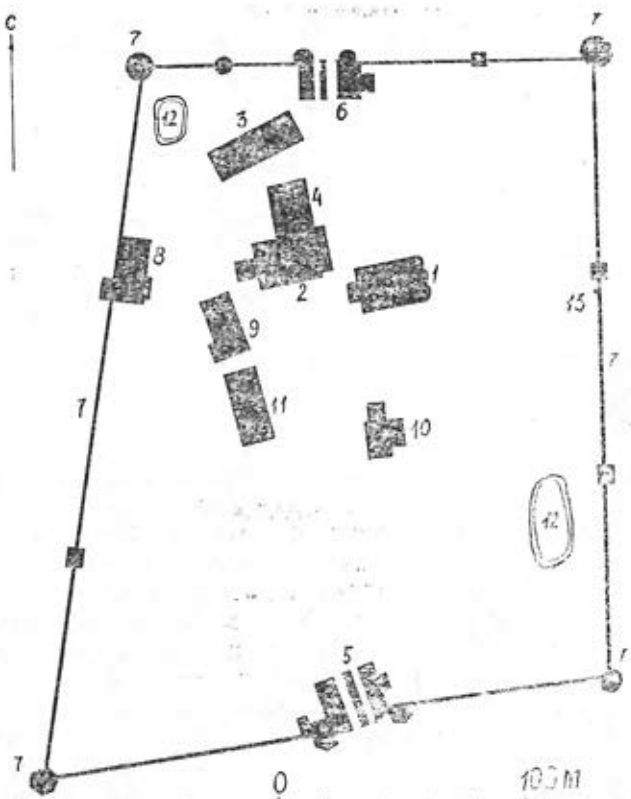

Рис. 1. План (схема) Ростовского Борисоглебского монастыря:

1 — Борисоглебский собор, 1522—1523 гг.; 2 — Благовещенская церковь с трапезной, 1524—1526 гг.; 3 — Братский корпус, вторая половина 20-х гг. XVI в.; 4 — Настоятельские покои, XVI, XVII вв.; 5 — Сергиевская надвратная церковь, 1679 г.; 6 — Сретенская надвратная церковь, 1692 г.; 7 — крепостные стены и башни, последняя четверть XVII в.; 8— Рассольный корпус, конец XVII в.; 9 — Архиерейская кухня, конец XVII в.; 10 — Звонница, 1690 г.; 11 — Архимандричьи кельи, 1752 г.; 12 — пруды; 13 — «Келья Иринарха», конец XVII в.

За прошедшие столетия облик Борисоглебского собора был довольно сильно искажен неоднократными перестройками. В 1960-е гг. В. С. Баниге предложил реконструкцию первоначального вида южного фасада памятника[8]. В целом эта реконструкция соответствует истине, кроме нескольких су-

щественных моментов, касающихся, в основном, пояса кокошников, оформляющих основание барабана. Ныне указанный пояс скрыт под поздней четырехскатной кровлей.

По В. С. Баниге упомянутые кокошники имеют правильную полуциркульную форму, а на них опирается невысокий восьмигранный постамент, заполняя ендовы между кокошниками.

На самом же деле формы кокошников гораздо более своеобразны. Их архивольты почти стрельчатые со слегка скругленной вершиной. Не существует и никогда не существовал упомянутый восьмигранный постамент. Напротив, некоторые ендовы между кокошниками сохранили кирпичную выстилку, явно рассчитанную на устройство водостоков.

По-видимому, собор существенно не менялся до последней четверти XVII в., когда он подвергся значительным переделкам, вызванным, очевидно, желанием сблизить его облик с вновь возводившимися монастырскими сооружениями. Сначала на двух первоначально растесанных окнах средней апсиды были устроены наличники, чрезвычайно близкие по форме наличникам Сергиевской церкви (1679 г.) Борисоглебского монастыря. Последнее обстоятельство позволяет датировать их концом 70-х гг. XVII в. Потом на окнах, растесанных над всеми тремя порталами храма, появились наличники, аналогичные наличникам южного фасада трапезной, возникшим при ее переделке, произошедшей около 1695 г. (см. ниже). К этому же времени следует отнести и вышеупомянутые наличники Борисоглебского собора. К последним близок по некоторым своим элементам декоративный пояс, вмонтированный во фризовую часть древнего антаблемента храма. Значит, и этот пояс тоже относится к середине 90-х гг. XVII в.

Упомянем, что не позже первой половины XVIII в. к западному фасаду собора была пристроена каменная «паперть» с приделом Иринарха[9], впоследствии неоднократно перестраивавшаяся.

Благовещенская церковь с трапезной и настоятельскими покоями

Известно, что Благовещенская церковь с трапезной была построена в 1524—1526 гг. мастером Григорием Борисовым[10]. Как установила Е. Н. Добромыслова, «Благовещенская церковь, объединенная в плане вместе с трапезной и келар-

ской в общий прямоугольник, имела первоначальное завершение фасадов трехлопастной кривой... Кровля трапезной была двускатная, с коньком, ориентированным с запада на восток... Прямоугольный алтарь пристроен в позднейшее время»[11].

Согласно тексту на престольном кресте, 2 ноября 1695 г. произошло вторичное освящение Благовещенской церкви[12]. Это позволяет с большой точностью установить время отмечавшейся ранее[13], но точно не датированной значительной перестройки всего трапезного комплекса.

Итак, около 1695 г. полностью переделали своды собственно трапезной, устроив большой лотковый свод, по конструкции близкий к своду Сретенской церкви (1692 г.). С восточной стороны к церкви пристроили прямоугольную в плане апсиду, а к трапезной с западной стороны — богато декорированное крыльцо. Тогда же было сильно изменено завершение Благовещенской церкви. Вместо трехлопастного оно стало четырехскатным с чисто декоративными кокошниками под карнизом кровли. При этом мастера сохранили первоначальный крещатый свод храма, которому соответствовало упомянутое его трехлопастное завершение. Переложили и барабан церкви. Он стал несколько тоньше первоначального, основание которого сохранилось под современной кровлей. И, наконец, на всех окнах южного и частично восточного и западного фасадов здания, а также на месте первоначального входа, переделанного в окно, появились богато оформленные наличники. Наличник северного фасада трапезной, очень схожий с наличниками Сергиевской церкви (1679 г., см. ниже) устроен, по-видимому, в конце 70-х гг. XVII в.

После всех этих переделок Благовещенская церковь с трапезной теперь воспринимается скорее как памятник конца XVII в.

С севера к трапезному комплексу примыкает корпус настоятельских покоев. Оговоримся, что характер первоначального его использования остается неизвестным. Нынешнее наименование он приобрел лишь незадолго до 1752 г., когда второй его этаж был приспособлен под кельи настоятеля Борисоглебского монастыря. До того в XVIII в. данные помещения занимали «хлебодарная» и «казначейская» палаты[14].

«Из гражданских построек Борисоглебского монастыря,— пишет С. С. Подъяпольский, — с наибольшей долей вероятности можно отнести к XVI ст. нижний этаж настоятельского («нового») корпуса, фасад которого украшен поясом орнаментальной кладки. Другие здания в формах своей внешней декорации носят явные следы архитектуры XVII ст. (карнизы с узкой полосой поребрика между двумя валиками). Однако без должного археологического обследования было бы преждевременно судить, что же именно сохранилось в Борисоглебском монастыре от первой половины XVI в., кроме собора и трапезной палаты»[15].

В результате обследования настоятельских покоев нам удалось выяснить следующее.

Стены древнейшей части рассматриваемого корпуса не имеют перевязки кирпичной кладки с кладкой трапезной палаты. К тому же, западная стена корпуса примкнула к трапезной прямо на месте выхода из ее северо-восточного помещения.

Все это говорит о том, что трапезная палата какое-то время существовала без настоятельского корпуса. Следовательно, последний, вопреки ранее существовавшему мнению[16], построен не одновременно с трапезной, а несколько позднее, хотя, несомненно, в XVI в.

В северном помещении второго этажа настоятельских покоев нами было обнаружено на одной из воздушных железных связей клеймо (рис. 2). Такие клейма, как установил М. Б. Чернышев, появились в последней трети XVII в.[17]. Значит, строительство второго этажа или, по крайней мере, его северной части произошло не ранее этого времени.

Позже окна этого этажа с западной стороны пришлось заложить или растесать для дверных проемов (одно из заложенных окон обнаружено нами во время натурного обследования памятника), так как к западному фасаду корпуса пристроили двухэтажный объем. Поскольку внешнее оформление последнего, состоящее из узких полос поребрика между валиками, еще характерно для XVII в.[18], а построен он позже той части здания, которую мы датировали последней третью XVII в., то его следует датировать самым концом XVII в.

Существенным дополнением ко всему сооружению стал появившийся в 1897 г.[19] объем лестницы, ведущей на второй этаж настоятельских покоев, который построили в промежутке между последними и апсидой Благовещенской церкви.

Рис. 2. Клейма на железных связях памятников Борисоглебского монастыря:

1 — клеймо на связи крыльца Сергиевской церкви; 2, 3, 4, 5 — клейма на связях галереи Сергиевской церкви: 6 — клеймо на связи второго этажа настоятельских покоев; 7, 8 — клейма на связи и анкере второй с севера башни восточного участка крепости; 9 — клеймо на связи рассольного корпуса; 10, 11 — клейма на связях звонницы; 12 — клейма на анкерах северо-западной фланкирующей башни Сретенской церкви и второй с востока башни северного участка крепости.

Братский корпус

Рассматриваемый корпус располагается к северу от трапезного комплекса. Изначально братский

корпус оформляли узкие лопатки, окна перспективной конструкции и карниз, состоявший из двух рядов поставленных на ребро кирпичных кронштейнов. Основываясь на исключительном сходстве данного оформления с убранством построек Григория Борисова, В. С. Баниге справедливо датировал братский корпус XVI в. и приписал его этому мастеру[20].

Для уточнения датировки братского корпуса надо учесть два обстоятельства. Во-первых, упоминание «Повести о Борисоглебском монастыре» о продолжении каменного строительства после окончания Благовещенской церкви с трапезной (1524—1526 гг.)[21]. И, во-вторых, вполне обоснованное предположение С. С. Подъяпольского о том, что Григорий Борисов уже в 1530—1534 гг. строил трапезную Ферапонтова монастыря[22]. Последующая деятельность мастера также была связана с севером[23].

Все это позволяет отнести строительство братского корпуса ко второй половине 20-х гг. XVI в. Если это так, то он является одним из самых древних каменных зданий такого рода, сохранившихся в России до наших дней. И весьма показательно, что, создавая новый тип здания, Григорий Борисов использовал в его оформлении детали и систему убранства именно трапезной палаты.

В. С. Баниге предположил, что братский корпус изначально имел второй деревянный этаж[24]. В. Т. Кривоносов и Б. А. Макаров как будто нашли этому подтверждение. В цитированной ими монастырской ведомости говорится, что в помещении, обозначенном авторами как второй деревянный этаж братского корпуса, находилась крестовая церковь Покрова Пресвятой Богородицы[25]. Но эта церковь имелась не во втором этаже братского корпуса, а во втором этаже, построенном «для приезду архиерейского», как сказано в том самом источнике, который цитировали упомянутые авторы[26]. Данный деревянный этаж был надстроен над каменными архимандричьими кельями (см. ниже) в 1777 г. ростовским архиепископом Самуилом Мисланским[27]. Подчеркнем, что в той же самой монастырской ведомости есть и описание братского корпуса, вот оно: «Четвертые братские об одном апорте. При тех кельях кухня и пивоварня в длину на осмнадцати с аршином, в ширину на шести саженях с аршином»[28].

Наличие же в завершении стен братского корпуса первоначально карниза довольно большого выноса (см. выше)

свидетельствует, что на этот карниз, как и у трапезной палаты, опирались свесы кровли, а не стены второго деревянного этажа.

Комплекс Сергиевской надвратной церкви

С XIX в. и до наших дней в литературе бытуют две достаточно устойчивые традиции в отношении датировки и атрибуции Сергиевской церкви.

Согласно одной из них указанный памятник возведен в XVI в. (точнее, в 1545 г.) зодчим Григорием Борисовым по приказу Ивана Грозного[29]. Из этого следовал, между прочим, весьма важный вывод об использовании зодчими второй половины XVII в. общей композиции комплекса Сергиевской церкви в качестве образца для построения соответствующих сооружений Ростовского кремля[30]. Оконные же наличники и роскошно декорированная южная галерея Сергиевского храма относились на счет перестроек второй половины XVII в.[31].

Начало второй традиции восходит к мнению архимандрита Борисоглебского монастыря Ювеналия, который еще в 1898 г. в опровержение вышеупомянутой точки зрения писал: «Сергиевская церковь построена в 1680 году при царе Федоре Алексеевиче, как об этом гласит надпись на кресте, положенном под престолом, и как пишется в монастырских клировых ведомостях»[32]. Вслед за Ювеналием датировку рассматриваемого памятника 1680 г. повторил ряд последующих авторов[33].

В. С. Баниге попытался примирить обе вышеприведенные версии, полагая, что Сергиевская церковь XVI в. была заменена существующим храмом в середине XVII в., «несколько ранее работы в Борисоглебском монастыре ионинских мастеров, которые пристроили к ней галерею и оформили въезд»[34].

Ему возразил С. С. Подъяпольский, отнесший обе надвратные церкви Борисоглебского монастыря к первой половине—середине XVII в.[35]. М. А. Ильин датировал рассматриваемый памятник второй половиной XVII в.[36]. По существу, обе последние точки зрения примыкают ко второй, «ювеналиевской» традиции датировки Сергиевской церкви. Причиной столь долгого сосуществования двух взаимоисключающих версий датировки рассматриваемого памятника является то, что по сию пору, во-первых, не были подвергнуты крити-

ческому разбору те источники, на которых базируются указанные версии, и, во-вторых, не был детально проанализирован сам памятник. Ниже мы попытаемся проделать эту работу.

На какие же источники опирались исследователи, датируя Сергиевскую церковь 1545 г.? В сущности, только на «Ростовский летописец» А. Я. Артынова, где под 1545 г. сказано следующее: «Приходит царь Иван Васильевич с князьями с родичами своими в Ростов князем Юрием Васильевичем и князем Владимиром Романовичем Щепиным, Петром Владимировичем Бахтияровым, Федором Ивановичем Буйносовым и Афанасием Васильевичем Лобановым, с которыми посетил Ростовский Борисоглебский монастырь, где указал построить вокруг монастыря каменную ограду со святыми воротами»[37]. В том же году «освящена каменная церковь во имя пр. Сергия в Борисоглебском монастыре»[38].

Но после отрицательной оценки, которую дал Н. Н. Воронин произведениям А. Я. Артынова как историческому источнику[39], трудно с доверием относиться к этому известию.

Сличение же разных вариантов артыновского «Летописца» показало, как складывался текст приведенного фрагмента.

В основу его легло известие о посещении Иваном Васильевичем в 1545 г. Борисоглебского монастыря, которое автор извлек из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина[40]. И хотя сам А. Я. Артынов указал на этот источник[41], тем не менее существенно исказил карамзинский текст. Что само по себе характеризует метод его работы.

К этому искаженному тексту уже без ссылки на источник автор и добавил сообщение о строительстве ограды монастыря с Сергиевской церковью, почерпнутые, очевидно, как он это обычно делал, из так называемых «преданий»[42].

Разумеется, это «предание» лишь тогда имело хоть какое-то значение, если бы происходило из Борисоглебского монастыря. Но как раз напротив — в последнем не существовало традиции связывать строительство существующей Сергиевской церкви и крепости с именем Ивана Грозного.

Во всех известных монастырских документах время освящения Сергиевской церкви относится к 7 сентября 7188 г. (1679 г.) или к 1680 г.[43]. Последняя дата появилась вследствие неправильного пересчета с летоисчисления от сотворения мира на современное.

И все же существует давно известный факт, как будто мешающий раз и навсегда отказаться от «артыновской» датировки Сергиевской церкви[44]. Речь идет об упоминании во Вкладной и кормовой книге Борисоглебского монастыря, что Роман Михайлович Пивов «дал 10 рублев на крест и на яблоко Сергия Чудотворца в позолоту. Да тридцать рублев в Сергия же чудотворца на местные иконы на оклад»[45]. Согласно В. Б. Кобрину, Роман Михайлович Пивов активно действовал на государственном поприще в 1550-е—1570-е гг., а между 1596 и 1598 гг. постригся в монахи Ростовского Борисоглебского монастыря[46]. Значит, какая-то Сергиевская церковь существовала в данном монастыре во второй половине XVI в. С. С. Подъяпольский предположил, что этот храм, был ли он каменный или деревянный, мог находиться на другом месте, чем существующий сейчас каменный храм XVII в.[47]. Видимо, так оно и было. И все же о чем свидетельствует сам памятник?

В результате обследования комплекса Сергиевской церкви подтвердилось мнение С. С. Подъяпольского о строительстве его целиком в XVII в. Причем это произошло в течение одного этапа, а не двух, как считал В. С. Баниге (см. выше). В самом деле, стены всех частей комплекса, включая нижний ярус (святые ворота), собственно церковь, галереи, обе примыкающие башни и лестницу, имеют четкую перевязку своей кирпичной кладки. К тому же все сооружение сложено из одинакового кирпича, размеры которого на всех участках колеблются в следующих пределах: 28—30×13,5—15×7,5—8 см. Не обнаружено никаких признаков растески оконных проемов, кладка же оконных наличников основного объема и декора южной галереи совершенно однородна с кладкой этих частей памятника.

Особенно же наглядно о единовременности создания всего комплекса свидетельствуют многочисленные железные связи, заложенные явно сразу в процессе строительства (их анкеры скрыты в толще кирпичной кладки) между стенами церкви, галерей и южной примыкающей башней. На указанных связях, а также на одной из связей западной лестницы нами были обнаружены клейма (рис. 2), которые, как уже говорилось выше, указывают на то, что памятник строился не ранее последней трети XVII в. А это, в свою очередь, является надежным подтверждением датировки комплекса 1679 г., следующей из письменных источников.

Но, пожалуй, наиболее красноречивым свидетельством того, что Сергиевская церковь не могла быть построена раньше второй половины 1670-х гг., является перекрытие ее основного объема, представляющее собой оригинальную систему уплощенных коробовых сводов (рис. 3).

По своей конструкции это перекрытие аналогично перекрытию Покровского собора в Измайлове, законченного вчерне к 1676 г.[48]. Своды же последнего, по мнению Н. С. Дативой, являлись отражением поиска новых конструктивных тем в зодчестве конца XVII в.[49]. Несомненно, это новшество могло быть использовано в рассматриваемом памятнике лишь одним из тех многочисленных мастеров, которые всего лишь за четыре года до строительства Сергиевской церкви построили измайловский Покровский собор. Подтверждением чему служит как сходство пятиглавых завершений этих двух памятников, так и еще большее сходство аркатурно-колончатых поясов, оформляющих их барабаны. Между прочим, как установлено нами, двое из мастеров измайловского Покровского собора Макар Карпов и Денис Федоров[50] в 1683 г. подряжались строить Георгиевскую церковь в Ростовском Белогостицком монастыре[51], в оформлении которой есть элементы, сходные с некоторыми декоративными мотивами убранства Сергиевской церкви. Не они ли четырьмя-шестью годами раньше строили эту последнюю в Борисоглебском монастыре?

Видимо, согласно монастырскому заказу мастера воплотили в комплексе Сергиевской церкви композиционную идею, выработанную при создании комплекса церкви Воскресения (около 1670 г.) Ростовского кремля[52].

После всего вышесказанного гипотезу о строительстве Сергиевской церкви в 1545 г. Григорием Борисовым можно считать окончательно опровергнутой.

Комплекс Сретенской надвратной церкви

В литературе назывались разные даты строительства Сретенской церкви, с примыкающими к ней двумя башнями. Но подавляющее большинство этих датировок укладывается в промежуток середины—второй половины XVII в.[53].

В. С. Баниге полагал, что данный памятник был построен в XVI в., а в следующем столетии подвергся серьезной перестройке[54]. Однако никаких доказательств этому он не предложил.

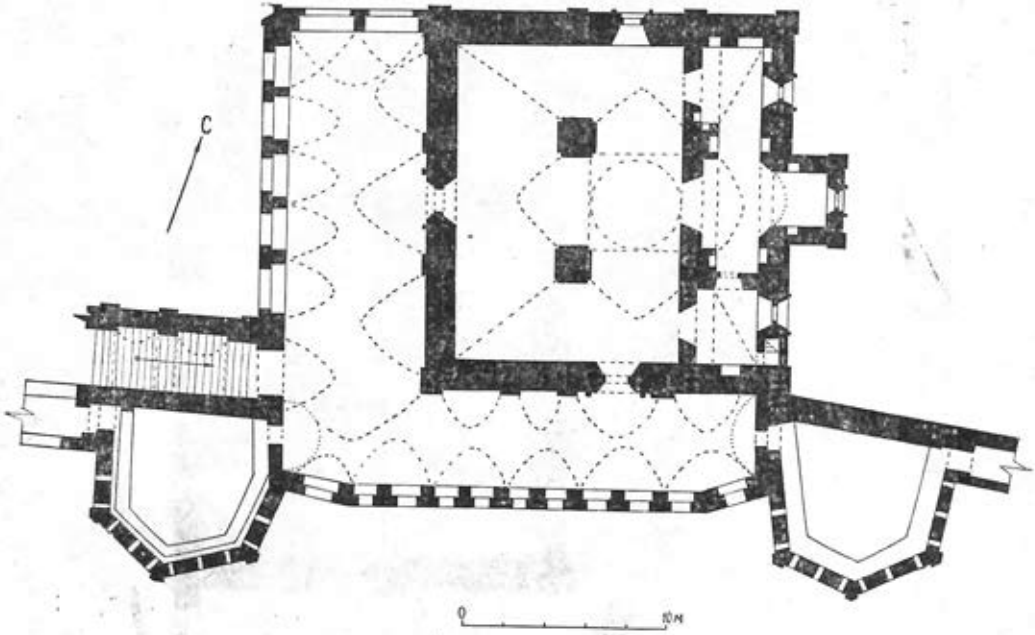

Рис 3. План второго этажа Сергиевской надвратной церкви.

В «Кратких сведениях о монастырях и церквах Ярославской епархии», изданных в 1908 г., была указана точная дата освящения Сретенской церкви — 1692 г.[55]. Она была принята некоторыми исследователями[56]. И действительно, именно эта датировка подтверждается монастырскими источниками[57].

На анкере железной связи северо-западной башни рассматриваемого комплекса нами было обнаружено клеймо (рис. 2), которое свидетельствует о строительстве памятника не ранее последней трети XVII в. Тем самым подтверждается датировка Сретенской церкви 1692 г.

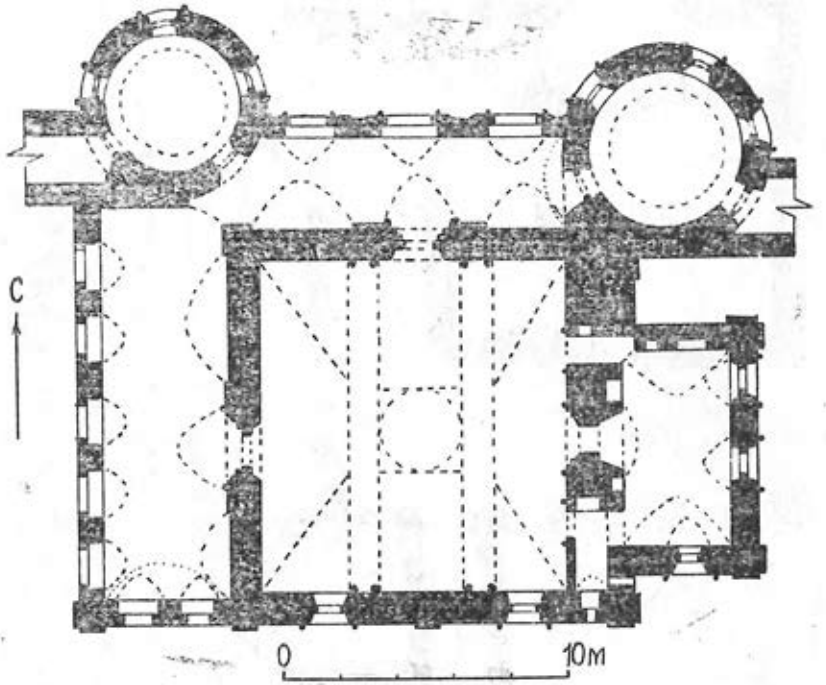

Рис. 4. План второго этажа Сретенской надвратной церкви.

Оформление наружного облика храма также свидетельствует о 90-х гг. XVII в. Особенно характерно завершение фасадов не закомарами и не кокошниками, а аркатурно-колончатым поясом, аналогичным соответствующим поясам церкви Одигитрии (1692—1693 гг.) Ростовского кремля и

Троицкой церкви (1694 г.). Дивногорской пустыни под Угличем[58]. Оба этих последних храма строились по заказу ростовского митрополита Иоасафа (1691—1701 гг.)[59]. Видимо, именно он повлиял и на то, что Сретенская церковь получила необычный для предыдущего местного зодчества упомянутый аркатурно-колончатый пояс.

Стены и башни монастыря

По вопросу о времени строительства и характере архитектуры стен и башен Борисоглебского монастыря мнения в литературе разделились примерно так же, как и по соответствующим вопросам, касающимся комплекса Сергиевской церкви.

Все многочисленные высказывания сводятся к следующему:

Крепость возведена в 1545 г. по указу Ивана Грозного (здесь обычно делаются ссылки на уже рассматривавшийся фрагмент из «Ростовского летописца» А. Я. Артынова), в конце же XVII в. ее северное прясло с башнями было сильно перестроено[60].

Другая группа авторов датирует целиком всю крепость XVII в.[61]. Наиболее полно эту точку зрения обосновал В. В Косточкин, который писал: «Не согласуется такая датировка (1545 г. — А. М.) и с развитой архитектурой укреплений Борисоглебского монастыря в целом. Сильно вытянутые арки стен, сплошной глухой парапет ограждения внутренних обходных галерей и несколько измельченные формы двух угловых башен — все это заставляет отнести укрепления в основном к середине—второй половине XVII в.»[62].

Все новые данные о крепости не только подтверждают, но и уточняют эту датировку.

В процессе натурного обследования установлено, что кладка комплекса Сергиевской церкви и южных крепостных стен перевязана между собой. Значит, и церковь, и примыкающие крепостные стены строились в одно и то же время. При этом западное прясло этих стен, по-видимому, из-за несогласованности действий мастеров, начало строиться даже несколько раньше западного крыльца надвратного храма. Это объясняет, почему крыльцо примыкает без перевязки к уже побеленной поверхности указанного прясла и закрывает наглухо одну из его бойниц подошвенного боя. Вместе с тем рассматриваемое крыльцо и прясло принадле-

жат к одному строительному периоду, поскольку их кладка перевязана с кладкой Сергиевского комплекса.

Одновременно с примыкающими к нему северными крепостными стенами строился и комплекс Сретенской надвратной церкви, так как кладка последнего перевязана с кладкой указанных стен. Данный вывод подтверждает и совпадение клейм на анкерах связей северо-западной башни Сретенского комплекса и ближайшей с восточной стороны башни крепости (рис. 2). Клейма обнаружены также и на связях второй с севера башни восточного участка крепости (рис. 2). И, наконец, кладка всех без исключения стен и башен монастырской крепости имеет четкую перевязку между собой. Никаких признаков значительных переделок крепостных сооружений не было обнаружено. Да и основные архитектурные приемы, как отмечал еще В. В. Косточкин (см. выше), одни и те же на всех участках монастырских укреплений.

Особенно характерна деталь, имеющаяся почти на всех башнях, — круглая отдушина, обрамленная валиком, имитирующая бойницы. Такие отдушины встречаются у подавляющего числа дошедших до наших дней монастырских крепостей середины—второй половины XVII в.[63].

Все это вместе взятое говорит о непрерывности строительства крепости и о единстве ее основного замысла.

Выше было показано, что обе надвратные церкви являются органической составной частью комплекса монастырских укреплений. Поэтому, зная даты строительства этих церквей, мы можем наметить и хронологические рамки создания всей крепости.

Начало ее строительства следует отнести примерно ко второй половине 70-х гг. XVII в., когда происходило формирование главного въезда в монастырь — святых ворот с надвратной церковью св. Сергия (1679 г.), окончание его пришлось уже на 90-е гг. того же столетия, о чем свидетельствует дата освящения Сретенской церкви (1692 г.), возведенной над хозяйственными «водяными» воротами.

Несмотря на единство основного замысла крепости, на протяжении довольно длительного периода строительства архитектурные вкусы мастеров и заказчиков все же несколько менялись. Это отразилось на характере декоративного оформления крепостных сооружений и некоторых различиях в их конструктивном решении.

В частности, северная стена монастыря (ныне лицевая ее сторона закрыта построенными в XIX в. магазинами) и примыкающее к угловой северо-западной башне прясло западной стены имеют, в отличие от остальных стен, машикули. Башни, между которыми расположены указанные прясла, отличаются от башен других участков крепости обилием и разнообразием декоративного убранства. В последнем отношении они очень близки Сретенской надвратной церкви. Несомненно, весь северный участок крепости, включая северное прясло западной стены, строился примерно в одно время с этой надвратной церковью.

Вообще, по характеру декоративного оформления стен и башен монастыря, очевидно, в какой-то мере можно судить об очередности их строительства. Здесь прослеживается довольно четкая закономерность. Так, южные монастырские укрепления почти лишены архитектурных украшений. Насыщенность декоративными элементами возрастает на восточной и западной (начиная со среднего прясла) стенах и становится наибольшей на северном участке крепости.

По-видимому, последовательность работ по созданию крепости была следующей: во второй половине 70-х и, вероятно, в начале 80-х гг. XVII в. строили южный участок ее; на протяжении 80-х гг. того же столетия возводили восточную и часть западной стен (до рассольного корпуса); и, наконец, в конце 80-х и в 90-е гг. XVII в. осуществляется строительство оставшейся части западного участка и всей северной стены с башнями.

Особо необходимо остановиться на вопросе о так называемой «келье Иринарха», которая представляет собой нишу, с небольшой пристройкой, расположенную в нижней части среднего прясла восточной стены крепости. Из «кельи» на внешнюю сторону крепостной стены выходит довольно широкое окно, над которым выложен неглубокий киот, обрамленный вместе с окном единым наличником. Дробностью профилировки этот наличник очень близок наличникам конца XVII в., устроенным на южном фасаде трапезной палаты Борисоглебского монастыря.

По традиции считается, что в этой нише и небольшой пристройке к ней (ныне почти полностью утрачена) в конце XVI — начале XVII вв. жил затворник Иринарх[64]. Но вплоть до XIX в. монастырские документы молчат об этом. Ни одного слова о том, что Иринарх жил в келье, расположенной

в каменной крепостной стене, не находим мы и в его житии[65].

При натурном обследовании не было обнаружено никаких признаков разновременности кельи и всего прясла крепостной стены, в котором она расположена. Значит, «келья», как и стена, создана в конце XVII в. Таким образом, «келья» не имеет прямого отношения к Иринарху. Вероятно, с самого начала она являлась чем-то вроде часовни, посвященной этому святому.

Звонница

В литературе о времени строительства звонницы Борисоглебского монастыря имеются весьма противоречивые сведения. Так, до начала XX в. считалось, что звонница возведена около 1690 г.[66]. «Краткие сведения о монастырях и церквах Ярославской епархии» содержат иную дату ее строительства — 1682 г.[67]. Позднее, без каких-либо серьезных обоснований, приняли еще более раннюю дату — 1680 г.[68]. Авторы самого последнего издания о Борисоглебском монастыре, никак не аргументируя, пишут: «Строительство Борисоглебской звонницы закончилось после 1680 года, освящена она была 25 октября 1682 года»[69].

Нет единства в определении времени строительства звонницы с Предтеченской церковью, расположенной во втором ее ярусе, и в монастырских источниках.

В самом раннем из них, имеющем непосредственное отношение к данному вопросу, — в «Ведомости о Ростовском Борисоглебском, что на Устье монастыре» (1779 г.) сказано: «Церковь под колокольнею собор Иоанна Предтечи когда построена известий не имеется». Здесь же, другими чернилами, почерком XIX в. сделана приписка: «семь тысяч двести месяца октября» и дан пересчет на современное летоисчисление, ниже добавлено: «не верно и это»[70].

В «Ведомости» за 1908 г. уже называется другая дата со ссылкой на следующий текст антиминса Предтеченского храма: «Святой антиминс освящен в 1682 г. октября 25 дня при благоверных царех Иоанне и Петре Алексеевичах преосвященным Иосифом (Иоасафом — А. М.) митрополитом Ростовским и Ярославским при Московском Патриархе Иоакиме»[71]. Как будто бы, этим подтверждается датировка, приведенная «Краткими сведениями о монастырях...» и более поздними авторами.

Но анализ данного текста заставляет усомниться в его подлинности. В самом деле, если Иоанн и Петр Алексеевичи уже царствовали в 1682 г., то Иоасаф заступил на ростовскую кафедру лишь в 1691 г. — через год после смерти патриарха Иоакима (1673—1690 гг.). Разумеется, такой надписи не могло быть на подлинном антиминсе. Очевидно, рассмотренный текст появился в результате утраты к началу XX в. антиминса, и путаницы, возникшей по указанному вопросу в монастырских документах.

Архитектурный облик рассматриваемого здания также плохо соотносится со столь ранней датой. Звонница явно принадлежит к тому кругу памятников Борисоглебского монастыря, которые возводились в конце 80-х и в 90-е гг. XVII в. Это, прежде всего, Сретенская надвратная церковь (1692 г.) и перестроенная в 1695 г. Благовещенская церковь с трапезной.

Довольно дробное оформление барабанов звонницы буквально совпадает с оформлением барабанов Сретенской церкви (1692 г.). Совпадают, вплоть до мельчайших деталей, и наличники (с вертикальными тягами в виде сдвоенных балясин) звонницы, Сретенской церкви, ее фланкирующих башен и апсиды, пристроенной в 1695 г. к Благовещенской церкви. Очевидно, и сходство крыльца звонницы с крыльцом, пристроенным около 1695 г. к трапезной палате Борисоглебского монастыря.

Однако по поводу крыльца звонницы недавно В. Т. Кривоносовым и Б. А. Макаровым высказано следующее: «Вполне возможно, что крыльцо было выстроено уже после возведения звонницы и явно другими мастерами. Массивное, пышно украшенное, оно не очень связано единством замысла с более скромным по декору объемом собственно звонницы»[72].

Проведенное нами натурное обследование памятника показало, что крыльцо имеет четкую перевязку своей кирпичной кладки с кладкой собственно звонницы. Значит, они все-таки построены одновременно. Что же касается различия в богатстве оформления крыльца и собственно звонницы, то такое контрастное сопоставление убранства разных частей здания было одним из основных художественных приемов зодчих середины — второй половины XVII в. Использование его зодчими Ярославских храмов уже неоднократно отмечалось в литературе[73].

Все сказанное заставляет искать дату строительства звонницы в конце 80-х — в 90-х гг. XVII в.

И действительно, в одном из самых ранних и незаслуженно забытом описании монастыря, опубликованном А. Боголюбским в 1864 г. (оно не упоминается ни одним из последующих авторов), со ссылкой на антиминс называется дата освящения Предтеченского храма — 1690 г. Автор, несомненно, сам видел этот антиминс, о чем говорит сделанное им его краткое описание: «антиминс из холста, освящен в 1690 году»[74]. Косвенным подтверждением данных слов является упоминание в «Описи Борисоглебского монастыря» (1764 г.) «антиминса белого полотняного» в Предтеченском храме[75].

Весьма вероятно, и В. В. Суслов, обследовавший памятники Борисоглебского монастыря в конце XIX в., еще видел этот антиминс, так как при датировке звонницы сослался на «освящение» Предтеченского храма в 1690 г.[76].

Из всего вышеизложенного следует вывод о необходимости возвратиться к датировке звонницы 1690 г., которая была принята в литературе второй половины XIX — начала XX вв. Теперь можно уверенно утверждать, что на формирование облика звонницы Борисоглебского монастыря определенное влияние оказала ростовская соборная звонница (около 1682, около 1688 гг.).

Рассольный корпус

Рассматриваемое сооружение известно в литературе под совершенно неверным названием «старых настоятельских покоев», введенным в оборот Б. Эдингом, который подчерпнул его из рассказов монахов Борисоглебского монастыря[77]. Никаких упоминаний о том, что корпус имел такое назначение, в известных монастырских документах нет.

Периферийное расположение здания в ансамбле и наличие в первом его этаже небольших круглых отдушин, заменяющих окна (рис. 5), скорее говорят о его хозяйственном использовании.

Судя по документам второй половины XVIII — начала XX вв. (более ранние не обнаружены), в первом этаже находились погреба и кладовая палата, во втором — сначала монашеские кельи, потом — кладовые[78]. О хозяйственном назначении здания свидетельствует и его позднее название — «рассольня» или «рассольный» корпус[79].

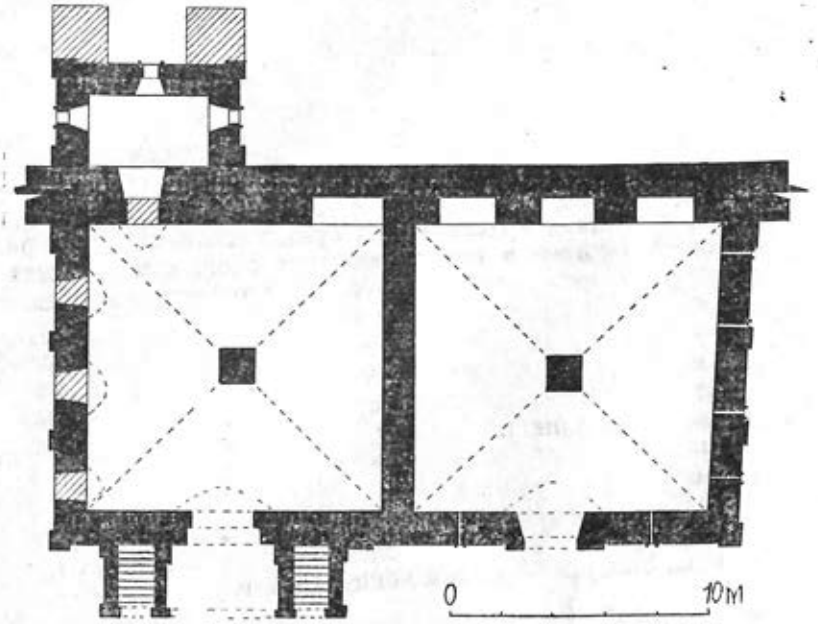

Рис. 5. План первого этажа рассольного корпуса.

В литературе он датируется и XVI в.[80], и XVII в.[81]. В. Т. Кривоносов и Б. А. Макаров предположили, что древний корпус был полностью реконструирован в XVII в.[82]. Но ни одно из этих мнений не имеет обоснования.

Данные натурного обследования сооружения позволяют с известной точностью определить время его строительства.

Задача датировки памятника сразу была облегчена находкой клейма на одной из железных связей нижнего этажа (рис. 2). Как мы знаем, такое клеймо указывает, что памятник был построен не ранее последней трети XVII в.

Кроме того, корпус своей западной стороной примыкает к северному прясл у и башне западной крепостной стены, которые, как было показано выше, созданы в самом конце XVII в. Кладка стен рассольного корпуса перевязана с кладкой указанных прясла и башни. Да и сама крепостная стена создавалась с расчетом, что в этом месте она будет закрыта корпусом. Со стороны последнего в ней отсутствуют обычные арки. Вместо них устроены особые ниши, очевид-

но — хозяйственного назначения. Крепостная стена является одновременно и западной стеной корпуса.

Между тем, В. Т. Кривоносов и Б. А. Макаров утверждают, что рассматриваемый «корпус был построен раньше монастырских стен. Это видно из того, что окна в западной части корпуса смотрят прямо в крепостную стену. Следовательно, она была пристроена к существовавшим уже ранее покоям»[83]. Однако в натуре никаких окон, «смотрящих» в крепостную стену, не существует. Нет и никаких признаков капитальной перестройки всего корпуса.

Характерно, что во внешнем оформлении корпуса и башни, к которой он примыкает, использованы сходные декоративные детали: ряды мелких городков, обрамленные валиком круглые отдушины и, наконец, окна второго этажа корпуса первоначально были обрамлены таким же валиком, как и небольшие окна башни.

Итак, все говорит об одновременности создания рассольного корпуса и указанной стены с башней. Значит, корпус, как и их, следует отнести к концу XVII в.

Архиерейская кухня

Это сооружение называют еще и просфорным домом. По мнению Г. А. Штеймана, В. С. Баниге и других авторов здание архиерейской кухни построено Григорием Борисовым в XVI в.[84]. Но С. С. Подъяпольский указал, что карниз корпуса, состоящий из поребрика между двумя валиками, характерен для XVII в.[85].

Да и всеми остальными своими деталями рассматриваемый памятник отличается от известных произведений Григория Борисова.

Еще Г. А. Штейманом было «выявлено, что размеры кирпича и способы кладки одинаковы как в сводах первого этажа здания (архиерейской кухни — А. М.), так и в парусных сводах под его подклетом и под подклетом старых настоятельских покоев (рассольный корпус)»[86]. Это позволяет считать их близкими по датам постройками, то есть архиерейскую кухню можно датировать концом XVII в.

Архимандричьи кельи

Здание в настоящее время носит отсутствующее во всех известных источниках и даже в литературе XIX — первой по-

ловины XX вв. название «казначейского дома»[87]. Вероятно, это название возникло в 1940—1950-е гг. в условиях почти полного забвения истории Борисоглебского монастыря.

Как будет показано ниже, памятник следует именовать «архимандричьими кельями».

О времени строительства данного корпуса высказывались самые разные точки зрения. В уже упоминавшейся давней работе А. Боголюбского была названа точная дата — 1752 г.[88], но последующими авторами она не была принята в расчет и забыта. А. А. Титов, следуя монастырскому преданию, считал памятник постройкой времени Самуила Мисланского (1776—1783 гг.)[89]. Потом корпус стали датировать даже XVI в.[90]. И, наконец, в недавнее время возникло предположение, что памятник относится к XVII в., но, возможно, перестроен в XVIII в.[91].

Правильным же оказалось мнение А. Боголюбского. Оно полностью подтверждается «Описной книгой Ростовского Борисоглебского монастыря 1752 г.», в которой сказано: «Палаты каменные для жительства архимандритам об одном апартаменте, крыты тесом, строены в нынешнем 752 году при бывом в том монастыре наместнике Иосифе... на монастырские казенные деньги»[92].

Все в архитектурном облике «архимандричьих келий» говорит о XVIII в. и эпохе барокко. И почти регулярная разбивка фасадов очень плоскими лопатками, и восьмигранные, близкие к овалу окна над входами в здание (рис. 6, 7). Но самыми характерными элементами являются расположенные над упомянутыми восьмигранными окнами небольшие лучковые фронтоны (ныне снивелированы поздней надкладкой),

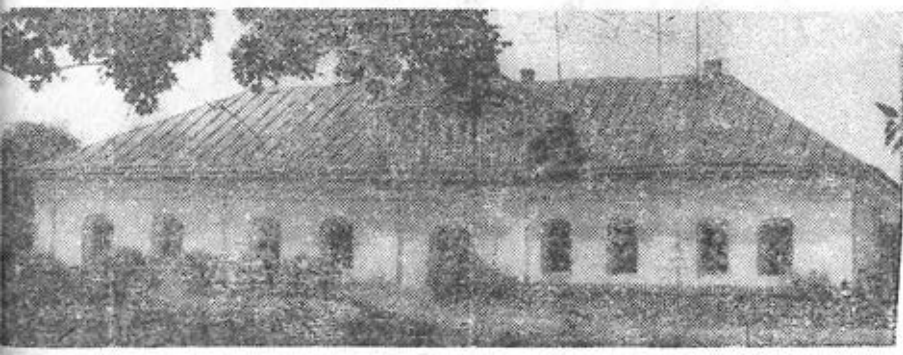

Рис. 6. Архимандричьи кельи. Вид с востока.

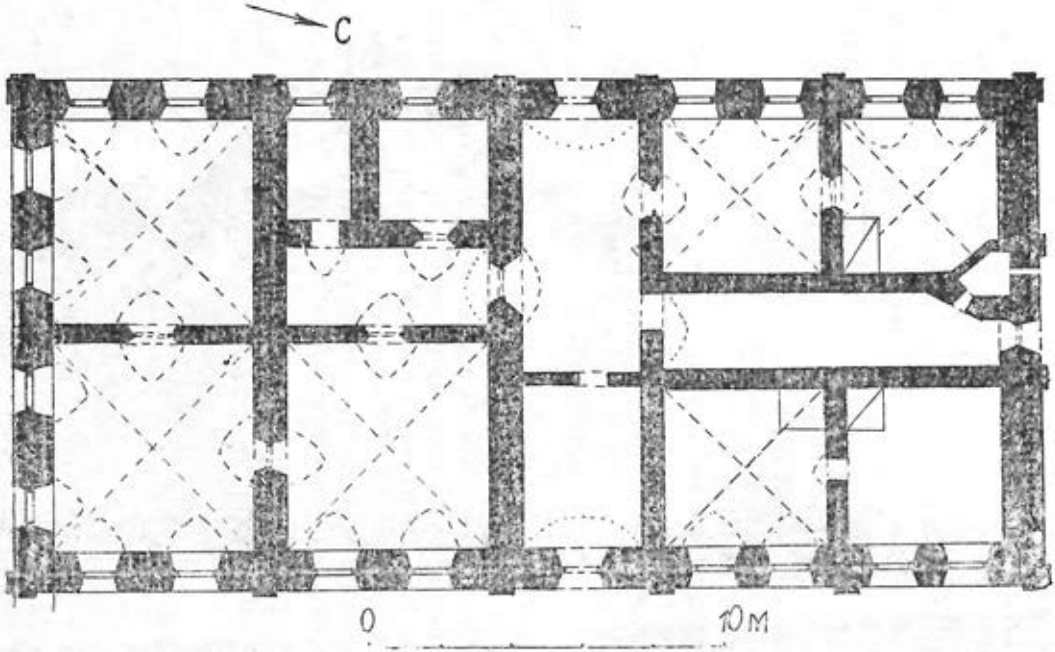

Рис. 7. План архимандричьих келий.

по меткому выражению И. Э. Грабаря, «излюбленный прием русского зодчества XVIII века»[93].

Архимандричьи кельи — последнее самостоятельное каменное сооружение Борисоглебского монастырского ансамбля.

* * *

В завершение следует подчеркнуть, что ансамбль в целом сложился за два больших строительных периода. Первый из них пришелся на 20-е гг. XVI в., когда были выстроены Борисоглебский собор, Благовещенская церковь с трапезной и братский корпус. Несколько позднее к трапезному комплексу с севера пристроили древнейшую часть настоятельских покоев. Остальные сооружения ансамбля, включая ограду, вплоть до второй половины 70-х гг. XVII в., по-видимому, оставались деревянными. Второй этап каменного строительства падает на последнюю четверть XVII в. В это время возводятся вся ныне существующая ограда с башнями и двумя надвратными церквами, звонница, рассольный корпус и архиерейская кухня, а также перестраиваются в соответствии с новыми вкусами старые здания: Борисоглебский собор и трапезный комплекс с настоятельскими покоями.

И, наконец, лишь в 1752 г. строятся архимандричьи кельи.

Итак, нынешняя планировочная структура монастыря сложилась в конце XVII — середине XVIII вв., о более древней мы с какой-либо определенностью судить не можем. Следовательно, распространенная гипотеза о том, что Григорий Борисов в Борисоглебском монастыре разработал новую планировку, отказавшись от традиционного собора в центре и построив ряд зданий по периметру свободной от застройки площади[94], против достоверности которой высказывался С. С. Подъяпольский[95], окончательно теряет силу.

[1] Основные положения настоящей работы были представлены в докладе, прочитанном на конференции в Ярославском государственном университете 1 декабря 1984 г. См.: Мельник А. Г. К истории ансамбля Ростовского Борисоглебского монастыря //Актуальные проблемы советской исторической науки. Тезисы докладов. Ярославль, 1984. Ч. II. С. 9—10.

[2] Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 57—60; Боголюбский А. Ростовский Борисоглебский монастырь //ЯгвВ,

ч. неофиц., 1864. С. 274—277, 283—287, 293—295, 301—305, 310—313, 314—319, 324—327; Амфилохий, архим. Ростовские древности. История построения церквей Ростовского Борисоглебского монастыря //Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. Отдел «Смесь». М., 1876. С. 1—3; Шляков И. А. Путевые заметки о памятниках древнерусского зодчества. Ярославль, 1887. С. 24—40; Материалы для истории Ростовского Борисоглебского монастыря //ЯЕВ, 1890, С. 397—400, 423—427; Титов А. А. Ростовский Борисоглебский монастырь, что на Устье, Ярославской епархии //Исторический вестник, 1891. Т. XL, VI, декабрь. С. 767—782; Павлинов А. Древности Ярославские и Ростовские. М., 1892. С. 30—31; Ювеналий, архим. К истории Ростовского Борисоглебского монастыря //ЯЕВ, 1898, ч. неофиц. С. 124—125; Суслов В. В. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1900. Вып. VI. Л. 12; Антоний, архим. Ростовский второклассный Борисоглебский монастырь и его основатели преподобные Федор и Павел. Жизнеописание Борисоглебского затворника преподобного Иринарха. Ярославль, 1907; Краткие сведения о монастырях и церквах Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 5—6; Грабарь И. История русского искусства. М., б/г. Т. II. С. 166; Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий, 1912, С. 105—106; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 59—62, 92—100; Воронин Н. Н. Ростовский «кремль» //Из истории докапиталистических формаций. М., 1934. С. 677; Воронин Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. Л.,—М., 1934. С. 22—24; Безсонов С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 10—13; 22; Брунов Н. И., Власюк А. И., Каплун А. И., Кипарисов А. А., Максимов П. Н., Чиняков Н. Г. История русской архитектуры. Изд. 2. М., 1956. С. 128; Баниге В. С., Брюсова В. Г., Гнедовский Б. В., Щапов Н. Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 159—179; Ильин М. А. Каменное зодчество третьей четверти XVII века //История русского искусства. М., 1959. Т. IV. С. 180—182; Штейман Г. А. Сводчатые покрытия гражданских зданий в русской архитектуре XVI—XVII веков //«Архитектурное наследство». М., 1960. № 12. С. 63—82; Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Диссертация. Л., 1963. Л. 71—88; Иванов В. И. Ростов. Углич. М., 1964. С. 149—163; Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 156—158; Подъяпольский С. С. Каменное зодчество Белозерья в XV—XVI веках. Диссертация. М., 1970. Л. 227—235; Ильин М. А. Путь на Ростов Великий. М., 1975. С. 114—125; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Архитектурный ансамбль Борисоглебского монастыря. М., 1987.

[3] См.: Безсонов С. В. Указ. соч. С. 13; Брунов Н. И., Власюк А. И. и др. Указ. соч С. 128; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 160; Рябушина И. А. К вопросу о композиции русских монастырей XV—XVII вв. //«Архитектурное наследство», № 34. М., 1986. С. 193, 196—199; Седов Вл. В. К вопросу о ростовской архитектурной школе XV—XVI вв. //История и культура Ростовской земли. Тезисы докладов. Ростов. 1991. С. 19.

[4] При написании данной работы, наряду с материалами собственных архивных изысканий, нами частично использованы архивные выписки А. В. Мельник, хранящиеся в Борисоглебском филиале Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника.

[5] «... обложи црковь... Бориса и Глеба, лета, З. Л, го. июня, в, И1, день, и сщена бысть црквь, ... Бориса и Глеба, архиепископи Иваном ростовским, лета З, Л, В, го сентября, в, КВ, дн, да того ж лета, июня, в, Л, день. по благословению архиепспа Ивана ростовского, заложил црковь теплую Блговещение прстые бцы с трапезою, и сщена быс при блговерном великом кизе Василии Ивановиче, всея Роусии. архиепспом Кирилом ростовским и ярославским лета, З, ЛЕ, го октября, в, З, день» /Лопарев Х. Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века. СПб., 1892. С. 13/.

[6] См. сноску № 2.

[7] См. сноску № 5.

[8] См.: Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 23.

[9] Первое упоминание о каменной паперти Борисоглебского собора встречается в описи Борисоглебского монастыря 1752 года /ГАЯО, ф. 582, оп. 1. Д. 1000. Л. 36 об./.

[10] «... ростовец мастер церковный каменной здатель Григореи Борисов делающе зде нам теплую церковь» /Лопарев Х. Указ. соч. С. 14/.

[11] Цит. по: Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 229.

[12] Шляков И. А. Указ. соч. С. 39; РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 332. Л. 6. Подчеркнем, что И. А. Шляков неверно перевел дату осаящения церкви с летоисчисления от сотворения мира на современное. По его мнению, освящение Благовещенской церкви произошло в 1696 г. /И. А. Шляков. Указ. соч. С. 39/.

[13] Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 168.

[14] ГАЯО, ф. 582, оп. 1. Д. 1000. Л. 58.

[15] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 233.

[16] Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 167.

[17] Чернышев М. Б. Датировка памятников архитектуры по клеймам на железных деталях //Вопросы теории и практики архитектуры и градостроительства. Межвузовский сборник. М., 1980. С. 152—153.

[18] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 233.

[19] РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 336. Л. 7.

[20] Баниге В. С. Искусство ростовских... Л. 82—83.

[21] «... в прочие лета... по пророчению старца Феофила по преставлению Феофилове, игумены Стахеа Васиан, о каменном же здании тщание положили» /Лопарев Х. Указ. соч. С. 15.)

[22] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 234.

[23] Там же. Л. 234—235.

[24] Баниге В. С. Искусство ростовских... Л. 83.

[25] Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 41.

[26] РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 1. Л. 145 об.

[27] Боголюбский А. Указ. соч. С. 313; РФ ГАЯО, ф. 341, оп. 1. Д. 466. Л. 2.

[28] РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 1. Л. 146.

[29] Амфилохий, архим. Указ. соч. С. 2—3; Шляков И. А. Указ. соч. С. 27; Павлинов А. Указ. соч. С. 30; Суслов В. В. Указ. соч. Л. 12; Эдинг Б. Указ. соч. С. 61; Безсонов С. В. Указ. соч. С. 12; Брунов Н. И., Власюк А. И. и др. Указ. соч. С. 128; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 170—171; Седов Вл. В. Указ. соч. С. 19.

[30] Амфилохий, архим. Указ. соч. С. 3; Шляков И. А. Указ. соч. С. 25; Павлинов А. Указ. соч. С. 30; Эдинг Б. Указ. соч. С. 95—96;

Безсонов С. В. Указ. соч. С. 22; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 171—172.

[31] Павлинов А. Указ. соч. С. 31; Эдинг Б. Указ. соч. С. 61; Безсонов С. В. Указ. соч. С. 12.

[32] Ювеналий, архим. Указ. соч. С. 124—125.

[33] Краткие сведения о монастырях... С. 5; Собянин В. А. Ростов в прошлом и настоящем. Изд. 2. Ростов Ярославский, 1929. С. 61; Воронин Н. Н. Ростовский «кремль». С. 677; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 95.

[34] Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Автореферат диссертации. Л., 1964. С. 7, 14.

[35] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 232.

[36] Ильин М. А. Путь на Ростов... С. 122—124.

[37] Артынов А. Ростовский летописец /РЯ АХМЗ, Р-649. Л. 185—186.

[38] Артынов А. Летопись Ростова Великого /РЯ АХМЗ, Р-234. Л. 88.

[39] См.: Воронин Н. Н. «Сказание о Руси и о вечем Олзе» в рукописях А. Я. Артынова /К истории литературных подделок начала XX в. //Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 175—198.

[40] См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5, кн. II. Примечания к т. VIII, гл. III. СПб., 1842. Ст. 23.

[41] Артынов А. Летопись Ростова... С. 79, 88.

[42] Воронин Н. Н. «Сказание о Руси...». С. 176.

[43] «Третья церковь с полуденной стороны над святыми воротами во именование Сергия игумена радонежского чудотворца о пяти главах, главы опаяны белой жестью, длиною на девяти с половиной шириной на девяти саженях построена в лето семь тысячь сто восемдесят осьмом году» /РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 1 (1770 г.). Л. 144 об./. Церковь «во имя Сергия игумена Радонежского чудотворца». Освящена сия церковь в 1680 году сентября 7 дня, при державе Благозерного Государя и Великого князя Федора Алексеевича, при Патриархе Московском Иоакиме, при Митрополите Ростовском и Ярославском Ионе, игуменом сей обители Иосифом, что видно из надписи, сохранившейся на храмозданном кресте» /РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 336 (1908 г.). Л. 5/.

[44] Амфилохий, архим. Указ. соч. С. 2.

[45] Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 15.

[46] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного //Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 56.

[47] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 232—233.

[48] Датиева Н. С. Покровский собор в Измайлове //Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 73.

[49] Там же. С. 90.

[50] Там же. С. 76.

[51] Мельник А. Г. Новое о памятниках XVII в. Белогостицкого монастыря //Памятники культуры. Новые открытия. В печати. Его же. Комплекс Георгиевской церкви Белогостицкого монастыря. См. настоящее издание. С. 65—66.

[52] См.: Мельник А. Г. О происхождении композиции надвратных церквей с двумя примыкающими башнями Ростовского кремля //История и культура Ростовской земли. Тезисы докладов. Ростов, 1991. С. 23—26.

[53] Эдинг Б. Указ. соч. С. 96; Воронин Н. Н. Ростовский «кремль». С. 677; Безсонов С. В. Указ. соч. С. 22; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 160; Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 232.

[54] Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Диссертация. Л. 75.

[55] Краткие сведения о монастырях... С. 5.

[56] Собянин В. А. Ростов в прошлом... Изд. 2. С. 61; Мельник А. Г. К истории ансамбля... С. 10; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 165.

[57] «Святой антиминс освящен Митрополитом Ростовским и Ярославским Иосифом, при державе Благоверных царей Иоанна и Петра Алексеевичей при святом Патриархе Адриане в 1692 году» /РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 336. Л. 5/; РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 332. Л. 6 об.

[58] См. ее изображение в кн.: Кириков Б. М. Углич. Л., 1984. С. 110—111.

[59] Титов А. А. Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 15.

[60] Амфилохий, архим. Указ. соч. С. 2—3; Эдинг Б. Указ. соч. С. 61—62, 92—97; Безсонов С. В. Указ. соч. С. 12; Брунов Н. И., Власюк А. И. и др. Указ. соч. С. 128; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 160.

[61] Воронин Н. Н. Ростовский «кремль». С. 677; Косточкин В. В. Указ. соч. С. 232; Ильин М. А. Путь на Ростов... С. 122; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 64.

[62] Косточкин В. В. Указ. соч. С. 158.

[63] Они имеются у следующих монастырских крепостей: Нового города (1642—1643 гг.) Костромского Ипатьевского монастыря, Суздальского Спасо-Ефимиева монастыря (60-е гг. XVII в.), восьмигранные башни (середина XVII в.) Троице-Сергиева монастыря, Переславского Горицкого монастыря (вторая половина XVII в.), Иосифо-Волоколамского монастыря (70—80-е гг. XVII в.), Донского монастыря (конец XVII в.) и др.

[64] Титов А. Указ. соч. С. 782; Антоний, архим. Указ. соч. С. 32; Иванов Д. А. Указ. соч. С. 104.

[65] См.: Жизнь преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье реке. Составлена архимандритом Амфилохием. М., 1863.

[66] Боголюбский А. Указ. соч. С. 312: Суслов В. В. Указ. соч. Л. 12; Иванов Д. А. Указ. соч. С. 106; Эдинг Б. Указ. соч. С. 98.

[67] Краткие сведения о монастырях... С. 5.

[68] Безсонов С. В. Указ. соч. С. 10; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч С. 174; Ильин М. А. Указ. соч. С. 124.

[69] Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 138.

[70] РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 1. Л. 145.

[71] РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 336. Л. 6.

[72] Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 140.

[73] Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960. С. 122; Попадюк С. С. Архитектурные формы «холодных» храмов «ярославской школы» //Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983. С. 72—73.

[74] Боголюбский А. Указ. соч. С. 312.

[75] ЦГАДА, ф. 280, оп. 3. Д. 62. Л. 77.

[76] Суслов В. В. Указ. соч. С. 12.

[77] Эдинг Б. Указ. соч. С. 96.

[78] РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 1. Л. 146; РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 336. Л. 8; РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 325. Л. 80—83; РФ ГАЯО, ф. 245, оп. 1. Д. 5. Л. 712.

[79] Книга достопамятностей исторических по Ростовскому Борисоглебскому второклассному монастырю. 1810—1857 гг. /РЯ АХМЗ, Р-256. Л. 26 об., 31, 33 об.

[80] Штейман Г. А. Указ. соч. С. 65; Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Диссертация. Л. 184.

[81] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 233.

[82] Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 141—142.

[83] Там же. С. 142.

[84] Штейман Г. А. Указ. соч. С. 65; Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Диссертация. Л. 184; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 38.

[85] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 233.

[86] Штейман Г. А. Указ. соч. С. 65.

[87] Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 170; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 39.

[88] Боголюбский А. Указ. соч. С. 313.

[89] Титов А. Ростовский Борисоглебский... С. 778.

[90] Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 176. Иванов В. Н. Указ. соч. С. 163.

[91] Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 39.

[92] ГАЯО. ф. 582, оп. 1. Д. 1000. Л. 61 об.

[93] Грабарь И. Э. Московская архитектура начала XVIII века //История русского искусства. Т. V, 1960. С. 38.

[94] Безсонов С. В. Указ. соч. С. 13; Брунов Н. И., Власюк И. А. и др. Указ. соч. С. 128; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 160.

[95] Подъяпольский С. С. Указ. соч. Л. 233.